

М.В. БРАТЕРСКИЙ*

ИЗМЕНЕНИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В условиях мирового финансово-экономического кризиса наиболее активно обсуждаются связанные с ним вопросы: каковы пути выхода из него, какие меры помогут странам из него выйти, какие государства выйдут из кризиса менее пострадавшими, какие – более ослабленными.

Но ведущаяся на разных уровнях дискуссия не ограничивается обозначенным кругом вопросов. В конце 2008 г. энергично обсуждалась тема о том, кто виноват в нынешнем кризисе. В преддверии апрельского (2009 г.) финансового саммита «двадцатки» в Лондоне политики, эксперты и журналисты заговорили о необходимости и путях реформирования существующей финансово-экономической архитектуры мира. Выдвигались идеи перестройки мировых финансовых институтов, изменения системы управления ими, обсуждалась идея замены нынешней мировой резервной валюты (доллара) другими инструментами – например, СДР, корзинами валют, включающими валюты новых экономических гигантов. Не прекращается дискуссия о создании новых международных финансовых институтов, и некоторые шаги в этом направлении уже сделаны, прорабатываются вопросы об усилении регулирования международных и национальных финансовых рынков.

Центральной особенностью дискуссии является её глобальный характер и смещение в ней традиционных областей экспертизы: внешнеполитическое сообщество обсуждает мировые финансы в таком масштабе, что организация мировых финансов совершенно справедливо начинает рассматриваться как воплощение внешней политики. Экономисты оказались вовлечены во внешнеполитическую дискуссию, они поднимают вопросы, традиционно проходящие «по другому ведомству». В центр обсуждения выдвинулись темы, которые в последние десятилетия не поднимались и считались решёнными раз и навсегда. Обсуждение вырвалось за идеологические рамки «Вашингтонского консенсуса»¹ и поставило в центр дискуссии такие вопросы, как: Чьи интересы обслуживает либерализация внешней торговли и мировых рынков капитала? Какое влияние на национальные экономики и развитие мировой экономики оказывают решения МВФ, Всемирного банка и ВТО? В чьих интересах принимаются эти решения, каков механизм их принятия? Чьи интересы обслуживает современная мировая финансовая система? Какая мировая финансовая

* **БРАТЕРСКИЙ Максим Владимирович** – доктор политических наук, профессор ГУ-ВШЭ, старший научный сотрудник ИСКРАН. Copyright © 2009.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Невоенные инструменты внешней политики в полицентрическом мире», № 09-03-00804а/Р.

¹ «Вашингтонский консенсус» – принципы экономической политики, сформированные в 1989 г. американским экономистом Джоном Уильямсоном и положенные в основу деятельности ВБ и МВФ.

система будет лучше отвечать интересам стран с растущими экономиками? Можно ли и нужно ли менять нынешнюю систему? Какая национальная экономическая и финансовая политика является эффективной? Следует ли национальному государству предпринимать целенаправленные усилия по защите своих граждан, компаний и производств в условиях глобализации?

В предлагаемой статье автор, не пытаясь предвосхитить итоги ведущегося обсуждения, хотел бы предложить некий академический контекст, который мог бы сделать обсуждение более сфокусированным и продуктивным. Рассматриваемые сегодня вопросы не новы, хотя и не поднимались раньше с такой остротой. Обозначенный круг тем активно разрабатывался экспертами сферы мировой (международной) политической экономии (*international political economy*) в конце 1970–1980-х годов в условиях начавшихся процессов глобализации. Позже, с окончанием «холодной войны» и укреплением либерализма как официальной мировой идеологии, исследования в области мировой политэкономии были приостановлены, их финансирование почти полностью прекратилось. Сегодня мировая политэкономия опять возвращается в академические аудитории и теснит традиционную для последних десятилетий исследовательскую повестку дня, базирующуюся на вопросах международной безопасности, нераспространения ОМУ и региональных конфликтов. Ниже мы хотели бы напомнить читателю об основных вехах в развитии мировой политэкономии, и отдать должное исследователям, внёсшим вклад в развитие данной дисциплины. Такая ретроспектива также поможет освежить в памяти необходимый научный аппарат и использовать его в ведущейся глобальной дискуссии.

Предыстория мировой политической экономии (МПЭ)

Несмотря на то что история современной мировой политэкономии отсчитывается с 1970-х годов, её корни лежат гораздо глубже – интеллектуальную традицию МПЭ можно проследить с эпохи Просвещения, т.е. с XVII–XVIII веков. В то время не было отдельно экономических и политических дисциплин, существовала лишь политическая экономия – исследование экономических аспектов политики. Термин «политэкономия» (*Political Economies*) впервые применил в 1671 г. экономист Уильям Петти, реформатор административной системы Англии.

Все экономисты – классики XVIII и XIX веков, начиная от французских просветителей и заканчивая Адамом Смитом, рассматривали политическую экономию как единую общественную дисциплину, тесно связанную с изучением моральной философии. Первые университетские кафедры, организованные для изучения и преподавания основ функционирования экономики, назывались кафедрами политэкономии, а первый фундаментальный труд, объединивший в себе все известные к середине XIX века экономические знания, который написал английский философ и экономист Джон Стюарт Милль так и назывался «Принципы политической экономии»².

Вскоре после Милля, однако, единая политико-экономическая дисциплина раскололась. Вместо общей концепции, описывающей комплексную политико-экономическую структуру общества, начали выкристаллизоваться два подхода, две сферы изучения законов общественной жизни. Одна из концепций

² Mill J. Principles of Political Economy. London, 1909 (7th Edition).

сконцентрировалась на «общественном договоре» и децентрализованной структуре рынка, и направила своё внимание в основном на вопросы производства и распределения. Другая концепция поставила в центр своего взгляда на мир «государство», основанное на принуждении, и сконцентрировалась на вопросах власти, процессе централизованного принятия решений, вопросах разрешения конфликтов. Соответственно были реорганизованы и университетские кафедры, в академической жизни появились «экономика» и «политическая наука» («политология»).

Основной причиной разделения единой прежде дисциплины на две стала формализация экономических исследований и растущее абстрагирование экономической теории. В конце XIX века в результате «маржиналистской» революции – использования дифференциального исчисления для изучения влияния малых (маржинальных) изменений в цене и количестве товаров – возникла неоклассическая экономическая школа, и это развитие экономической мысли окончательно закрепило раскол экономики и политической науки. С этого момента экономисты взялись за реализацию задачи создания «чистой науки» – экономической дисциплины, свободной от сиюминутных влияний реальной жизни. Довольно скоро они дистанцировались от практической политики и нормативных вопросов, а учёные, которых сильнее привлекали вопросы функционирования политических институтов и управления, сосредоточились на дисциплине, получившей название «политическая наука», и занялись вопросами исследования функционирования политических систем.

Развод между двумя дисциплинами никогда не был полным и абсолютным, всегда находились учёные, которых интересовала взаимосвязь между поиском богатства и стремлением к власти. Попытки исследовать вопросы рынка и власти в комплексе были особенно заметными на крайних флангах идеологического спектра, среди правых либералов, которые пытались защитить капитализм от репрессивной власти государства, и среди левых марксистов, которые считали политическую надстройку производной от экономического базиса общества. Встречались исключения из общего правила и среди идеологически неангажированных учёных. В качестве примера можно привести Джона М. Кейнса, который занимался вопросами взаимосвязи между рынками и политикой, а также Херберта Фейза, писавшего о политике мировой финансовой системы перед Первой мировой войной.

Тем не менее, к середине XX века взаимосвязь между экономикой и политической наукой почти полностью исчезла, обе дисциплины разработали очень разные теоретические аппараты и обособились друг от друга. Единственным исключением оставалась левая традиция, которая продолжала исследовать вопросы взаимодействия богатых и бедных стран. В начале века левая мысль формулировала исследовательскую проблему как «экономический империализм», продолжая идеи Дж. Гобсона³, Р. Люксембург⁴ и В.И. Ленина⁵. Позже, с наступлением эпохи деколонизации, дискуссия обратилась к различным аспектам теории зависимости, теории капиталистического центра и периферии, а также к политическим причинам экономической отсталости развивающихся стран. Взаимное отчуждение двух дисциплин было преодолено лишь в 1970 г.,

³ H o b s o n J. Imperialism: a Study. (multiple editions).

⁴ L u x e m b u r g R. Accumulation of Capital. (multiple editions).

⁵ Л е н и н В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. Соч., 5-е изд., т. 27.

когда Сюзан Стрейндж опубликовала свою статью-манифест⁶ и призвала экономистов и политологов прекратить «диалог глухих». Она отметила, что обе дисциплины слишком замкнулись в своих рамках и игнорируют фундаментальные изменения, происходящие в мировой экономике и мировой политике. Стрейндж была не одинока в понимании того, что политика и экономика в современном мире становятся всё более взаимосвязанными и требуют комплексного изучения. В 1968 г. Ричард Купер опубликовал свою работу о политических вызовах растущей экономической взаимозависимости отдельных стран⁷, а в 1970 г. Ч. Киндлебергер выпустил книгу о растущих противоречиях между экономическими и политическими интересами в взаимозависимом мире⁸. 1970-е годы можно считать временем возрождения политэкономической традиции изучения международных отношений, и начальный период развития этой дисциплины в новых условиях связан, прежде всего, с именами Роберта Кеохана, Сюзан Стрейндж, Джозефа Ная и Стивена Краснера.

Основные концепции мировой политической экономики

На сегодня в мировой политэкономии разработано несколько базовых положений, составляющих основу аналитического аппарата при исследовании взаимосвязей мировой политики и экономики. В первую очередь следует остановиться на концепции «комплексной взаимозависимости» (*Theory of Complex Interdependence*), сформулированной Р. Кеохане и Дж. Наем в вышедшей в 1977 г. и ставшей классической книге⁹. Комплексная взаимозависимость определялась авторами как ситуация, возникшая в международных отношениях в результате расширения мировой торговли и финансовых связей, в которой 1) между обществами, государствами и другими субъектами международной жизни устанавливаются множественные каналы коммуникации; 2) размывается иерархия ключевых проблем международных отношений, различные вопросы оказываются связанными между собой самым неожиданным образом, и ещё недавно иерархические международные отношения становятся комплексными; 3) в международных отношениях снижается действенность военной силы и механизмов принуждения, более эффективным инструментом решения проблем становится поиск взаимных интересов.

Кеохане и Най впервые отошли от традиционного понимания международных отношений, исходившего из ведущей роли государства в международных вопросах и иерархии вопросов в мировой политике, центральное место в которой занимают безопасность, военная сила и принуждение (реализм). Авторы доказывают, что снижение эффективности военной силы как внешнеполитического инструмента и, наоборот, усиление экономической и других форм взаимозависимости государств повышают шансы на сотрудничество и позитивное взаимодействие между ними. Повестка дня мировой политики становится всё более сложной и далеко выходит за рамки вопросов международной безопас-

⁶ Strange S. International Economics and International Relations: A Case of Mutual Neglect. – «International Affairs», 1970, 46, No. 2.

⁷ Cooper R. The Economics of Interdependence: Economic Policy in the Atlantic Community. N.Y., 1968.

⁸ Kindleberger Ch. Power and Money: The Politics of International Economics and the Economics of International Politics. N.Y., 1970.

⁹ Nye J., Keohane R. Power and Interdependence: World Politics in Transition. N.Y., 1977.

ности. Причиной такого положения дел является диффузия и фрагментация власти в экономических вопросах, что, в свою очередь, происходит из-за растущей взаимосвязи национальных экономик. Государства по-прежнему остаются самыми важными игроками в международных отношениях, но в ситуации глобализирующихся мировых рынков они уже не могут определять результаты взаимодействия. В процесс включается множество новых игроков, которые обладают экономическими ресурсами и располагают собственными каналами коммуникации, формируют свои интересы и транснациональные коалиции, причём это происходит вне зон контроля министерств иностранных дел и советов национальной безопасности.

В конце 1970-х годов, когда Кеохане и Най выступили со своей революционной концепцией (сегодня она представляется очевидной и существовавшей всегда), она описывала систему отношений, сложившуюся на тот момент между развитыми индустриальными странами. На сегодняшний день эти изменения в системе международных отношений охватили уже большую часть мира, и в продвижении своих международных интересов государства в большей степени полагаются на координацию усилий национальных экономических игроков, чем на действия в традиционном внешнеполитическом поле.

Импульс развитию мировой политической экономии как дисциплине был дан ростом взаимозависимости национальных экономик после Второй мировой войны. Почему поменялась система мировых хозяйственных и политических отношений? Чего можно было ожидать в будущем? В основе этих вопросов лежала проблема взаимодействия экономических и политических факторов в международных отношениях. Основная задача новой дисциплины в тот период состояла в осмыслении природы этих взаимоотношений и выявлении ведущей и ведомой силы: управляют ли экономические интересы внешней политикой или наоборот, государственная политика является ведущей силой изменений в мировой экономике.

Вопрос о взаимоотношении политических и экономических факторов в международных отношениях был поставлен в специфическом контексте. В первые десятилетия после окончания Второй мировой войны военная, политическая и экономическая мощь была сконцентрирована в Соединённых Штатах, но в 1970-е годы ситуация начала меняться. Американское экономическое превосходство над остальным миром стало ослабевать, и специалисты начали задаваться вопросом, как это отразится на политической стороне международных отношений, не приведёт ли этот процесс к началу политической нестабильности в мире?

В ходе развернувшейся дискуссии родилась концепция, сегодня известная как теория «управляемой (гегемонистской) стабильности» (*Hegemonic Stability Theory*). В её основу было положено допущение, что здоровье и стабильность глобальной экономики каким-то образом зависят от наличия в ней экономической и политической державы-гегемона. Как позже сформулировал Кеохане, «теория утверждает, что структура влияния, контролируемая одной державой, наилучшим образом способствует формированию сильных международных режимов, которые обладают достаточной чёткостью, и которым подчиняются»¹⁰. Более подробно центральное положение теории управляемой стабиль-

¹⁰ Keohane R. The Theory of Hegemonic Stability and Changes in International Economic Regimes, 1968–1977. In Holsti O., Siverson R. Change in the International System. Ed. by George A. Boulder, 1980, p. 132.

ности сформулировал Чарлз Киндлбергер: «Международной экономической и финансовой системе требуется лидер – страна, которая, сознательно или бессознательно готова выработать и интернационализировать некую систему правил, устанавливать стандарты поведения для других стран и добиваться исполнения странами этих стандартов, брать на себя бóльшую часть расходов по поддержанию этой системы и особенно готова первой взять на себя обязательства поддерживать невыгодные для себя меры, а именно: покупать излишки товаров, поддерживать поток инвестиций и предоставлять скидки на свои коммерческие бумаги»¹¹.

Теория «управляемой стабильности» базировалась на исторических наблюдениях. С конца XIX до середины XX века наблюдалась жёсткая корреляция между мировой гегемонией одной из великих держав и периодом стабильности в мировых экономических отношениях. В начале этого периода лидером выступала Великобритания, а в мире процветал Пакс британика, основанный на «золотом стандарте». После заключения Бреттон-Вудских соглашений мировым гегемоном выступили Соединённые Штаты, а вокруг них и сформировался Пакс американа. В период же между мировыми войнами, мирового лидера не существовало: Великобритания была уже не способна выполнять эту роль, а Соединённые Штаты ещё не были к ней готовы. Этот период характеризовался экономическим кризисом, протекционизмом и снижением объёмов мировой торговли и инвестиций. Из этих наблюдений следовал вывод: «Для того, чтобы стабилизировать мировую экономику, нужна держава-стабилизатор, единственная держава-стабилизатор»¹².

Для поддержания стабильности в мировой экономической системе требовалось выполнение трёх условий: открытый для импорта рынок, долгосрочное контрциклическое кредитование и массивное краткосрочное кредитование в случае финансового кризиса. Поскольку такие меры довольно обременительны, держава-лидер должна быть готова нести непропорционально высокую часть расходов, особенно если другие государства попытаются «прокатиться зайцем». Таким образом, стабильность мировой финансовой системы рассматривалась теорией как особое «общественное благо», обязанность обеспечения которого ложилась на державу-лидера.

Включившиеся в дискуссию политологи внесли в разрабатываемую теорию серьёзные политические акценты, связанные с концепциями власти и влияния. Так, было замечено, что гегемония может реализовываться на практике не только на основе явных или неявных договорённостей, но и путём принуждения. Экономическая мощь может рассматриваться не только как цель политики, но и как инструмент усиления политического влияния и обеспечения интересов безопасности державы-гегемона. Например, для обеспечения своих интересов безопасности гегемон может открывать зарубежные рынки силой и наоборот, использовать угрозу замораживания межгосударственной торговли и инвестиций с целью заставить другие страны следовать установленным правилам.

В дальнейшем развитии теории «управляемой стабильности» следует отметить два важных момента. Один из них связан с возможностью изменений в системе, другой – с расширением функции гегемона на группу стран.

¹¹ Kindleberger Ch. The World in Depression, 1929–1939. Berkeley, 1973, p. 28.

¹² Ibid p. 305.

Важным развитием теории по первому вопросу, о возможности изменений в установившейся системе, стали книги Роберта Гилпина¹³. Он утверждал, что система международных отношений формируется в соответствии с интересами и для продвижения интересов её наиболее влиятельных участников. Со временем, с изменением соотношения сил и возможностей держав, усиливающиеся государства попытаются изменить правила игры в своих интересах и будут продолжать эти попытки, пока издержки этих усилий не начнут превышать возможную выгоду от перемен. Таким образом, предварительное необходимое условие перемен в мировой политической системе состоит в «несоответствии существующей политической системы и распределения влияния между теми игроками, которые в наибольшей степени выиграют от её изменения»¹⁴.

Претерпело эволюцию и понимание гегемона и его функций в мировой системе. Во-первых, Р. Кеохане, основываясь на теории коллективных действий, пришёл к выводу, что роль гегемона в мировой системе может играть не только отдельная держава, но и группа держав¹⁵. Эту мысль развили Манкур Олсон и Томас Шеллинг, заключив, что роль гегемона может играть и группа стран, достаточно небольшая для того, чтобы вклад каждой из держав в «общественное благо» был обусловлен вкладом других участников¹⁶.

Во-вторых, со временем несколько изменились и акценты в понимании выполняемой гегемоном функции. Работы Барри Эйхенгрин¹⁷ и Стивена Краснера¹⁸, посвящённые анализу изменения мировой финансовой системы и потоков мировой торговли в связи с переменами в политическом влиянии и экономической мощи держав-гегемонов, показали, что основное внимание в анализе мировой системы должно уделяться не столько объёму влияния и экономической мощи гегемона, сколько способности гегемона создавать благоприятные условия для производства востребованных мировой системой «общественных благ» или, как это сформулировал Дэвид Лейк, «инфраструктуры»¹⁹ мировой экономики.

Развивая теорию «управляемой стабильности», Стивен Краснер ввёл в научный оборот понятие «международные режимы» (*international regimes*), которое развилось в самостоятельную концепцию и активно используется специалистами при анализе системы мирового управления. В центр внимания был поставлен вопрос: Какой механизм вносит предсказуемость и стабильность в международные отношения в отсутствие абсолютного гегемона? Краснер пришёл к выводу, что таким цементирующим составом в международных отношениях являются режимы. «Режимы можно определить как наборы явных или неявных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, к которым сходятся ожидания участников той или иной области международных отношений. Прин-

¹³ Gilpin R. War and Change in World Politics. N.Y., Cambridge University Press, 1981; Gilpin R. The Political Economy of International Relations. Princeton, NJ, 1987.

¹⁴ Gilpin R. War and Change in World Politics. N.Y., p. 9.

¹⁵ Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, NJ, 1984.

¹⁶ Schelling T. Micromotives and Macrobehavior. N.Y., Norton, 1978.

¹⁷ Eichengreen B. Hegemonic Stability Theory of the International Monetary System. Can Nations Agree? Issues in International Economic Cooperation. Ed. by R. Cooper, B. Eichengreen, G. Holtham, R. Putnam, C. Henning. Wash., 1989.

¹⁸ Krasner S. State Power and the Structure of International Trade. – «World Politics» 28. No. 3 (April), 1976, pp. 317–347.

¹⁹ Lake D. Leadership, Hegemony and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential? – «International Studies Quarterly» 37, No. 4 (December), pp. 459–489.

ципы являются верой в факты, причинную зависимость и моральные принципы. Нормы являются стандартами поведения, определёнными в терминах прав и обязанностей. Правилами являются предписания и запрещения действий. Процедуры принятия решений – это преобладающие практики совершения и реализации коллективного выбора»²⁰. По убеждению Краснера, режимы обладают значительной инерцией и продолжают существовать и «управлять» мировой политической и экономической системами ещё долго после того, как обстоятельства изменились и центр силы, установивший режим, ослаб или перестал существовать: «После того, как режим установился, он начинает жить своей жизнью»²¹. Режимы могут меняться, но для этого необходимо прилагать сильное давление в течение долгого времени – смена режимов напоминает геологические процессы, и идёт так же трудно и медленно.

В связи с дискуссией, развернувшейся вокруг теории режимов, следует упомянуть ещё об одной политэкономической концепции, выдвинутой британцем Робертом Коксом. В начале 1980-х годов он выдвинул концепцию «нового мирового порядка» (*New World Order*), из которой следовало, что происходящие в мире перемены были гораздо глубже, чем просто усиление интеграции национальных экономик. Центральным моментом концепции стало формирование новой «глобальной классовой структуры, накладывающейся на национальные классовые общества»²². Под мировым порядком Кокс понимал историческую структуру, формируемую тремя факторами: материальным потенциалом, идеями и институтами. Материальный потенциал высокими темпами интегрируется в единый мировой механизм, а интернационализация экономики трансформирует общественные отношения и стимулирует инновации в институтах управления. Меняется весь комплекс взаимоотношения общества и государства, и новый мировой порядок будет сформирован реакцией мировых социальных сил, которые постараются «выторговать лучшую сделку с мировой экономикой»²³.

В завершение нашего краткого обзора основных положений мировой политэкономии следует также остановиться на теории и практике целенаправленной трансформации зарубежных обществ и политических систем, проводимой Европейским Союзом экономическими методами, – а именно на концепции европеизации (*europaization*). В основу этой политики положено старое положение идеалистической школы изучения международных отношений о том, что внешнеполитическое и внешнеэкономическое поведение государств определяется характером политического режима. Вдохновлённые крахом коммунистических режимов европейцы и американцы пришли к выводу, что политические режимы можно менять и что политические и экономические интересы Запада в мире наилучшим образом обеспечит распространение собственной общественно-политической модели на другие государства. Инструментом воздействия на зарубежные общества было выбрано экономическое сотрудничество и экономическая помощь. Расширение экономического сотрудничества и предоставление экономической помощи зарубежным странам обуславливается требованиями демократизации обществ этих стран. Результатом такой

²⁰ K r a s n e r S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. – International Regimes. Ed. by S. Krasner. Ithaca, Cornell University Press, 1983, p. 2.

²¹ I d e m. Regimes and the Limits of Realism: Regimes as Autonomous Variables. – International Regimes, p. 358.

²² C o x R. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. Millennium 10 No. 2 (Summer) p. 147.

²³ Ibid., p. 151.

политики, по замыслу её авторов, станет расширение международного режима, построенного на европейских правилах, нормах и процедурах²⁴.

Суммируя изложенные выше основные положения политэкономической теории, следует подчеркнуть несколько моментов, важных для анализа российской повестки дня в отношении реформирования мировой финансово-экономической системы. Первое, существующая система (режим) была создана Соединёнными Штатами для обслуживания собственных интересов. Второе, сегодня существование этого режима основывается уже не на абсолютной гегемонии США, а на его поддержке широкой группой индустриально развитых стран. Третье, режим может быть изменён, но для этого необходимо тесное сотрудничество нескольких растущих в данный период держав, и долгие целенаправленные усилия. Основой такого сотрудничества может стать лишь ясное понимание растущими державами своих интересов как отличных от интересов авторов нынешнего режима. В этой связи представляется необходимым начать дискуссию, которая ответила бы на вопрос о наличии у России, Китая, Индии и других растущих государств таких общих интересов. В заключительной части статьи мы попытаемся обозначить интересы России в отношении изменения мировой финансово-экономической системы, как они формулировались российскими политиками в ходе развития мирового финансово-экономического кризиса.

Интересы России в контексте мирового кризиса

Следует заметить, что начало финансового кризиса в России прошло незамеченным. События сентября 2008 г., когда начался вывод капиталов с российского фондового рынка, были расценены политическим руководством страны, а также большинством представителей бизнеса и экспертного сообщества, как реакция рынка на события августовского конфликта на Кавказе. Эта реакция рынка расценивалась как достойная сожаления, но предсказуемая, и падение фондового рынка России рассматривалось как неизбежная плата за укрепление внешнеполитических позиций России на Кавказе в диалоге с НАТО и США. Предполагалось, что в среднесрочном периоде фондовый рынок восстановится, а укрепившиеся внешнеполитические позиции России обеспечат ей определённое лидерство не только в вопросах международной безопасности, но и в строительстве новой архитектуры мировой финансово-экономической системы. Определённые надежды в этом плане возлагались на Бразилию, Россию Индию и Китай (страны БРИК). Часть внешнеполитического экспертного сообщества полагала, что в рамках взаимоотношений со странами БРИК Россия не только компенсирует относительную слабость своей экономики новой внешнеполитической активностью и инициативностью, но и, при благоприятных условиях, сумеет выступить неким «глашатаем» в вопросах реформирования мировой экономики и финансов, сформирует нечто вроде нового Движения неприсоединения, которое, в отличие от движения 1970-х годов, настаивало бы на «неприсоединении» к существующей финансово-экономической системе, контролируемой странами Запада, и направило бы свои усилия либо на реформирование существующей системы, либо на строительство параллель-

²⁴ См.: Crawford G. Foreign Aid and Political Reform: A Comparative Analysis of Democracy Assistance and Political Conditionality. N.Y., Palgrave 2001; Political Conditionality. Ed. by G. Sorensen. London, 1993.

ных региональных финансово-торговых систем, более отвечающих интересам растущих экономик Бразилии, России, Индии и Китая. Позитивная повестка дня такого движения так и не была чётко сформулирована, но некоторые требования к новой системе были сформулированы в выступлениях президента и премьер-министра России.

Другая дискуссия, которая развернулась чуть позже, в последние месяцы 2008 г., касалась собственно российских перспектив нейтрализации кризисных явлений в своей экономике и ситуации, которая сложится в мировой экономике после завершения кризиса.

Позиция политической элиты России в тот момент состояла в том, что Россия пострадает от кризиса в меньшей степени, чем страны ОЭСР, и выйдет из кризиса относительно укрепившейся политически и экономически по отношению к западным странам. Такое понимание ситуации и перспектив её развития основывалось на следующих тезисах:

1. Россия накопила огромные золотовалютные резервы, которые обеспечат стабильное экономическое развитие и погасят кризисные явления в национальной экономике. Российская банковская система недостаточно интегрирована в мировые финансы, российские банки не работают с западными ипотечными бумагами и их производными, следовательно, банковская система должна сохранить свою устойчивость. У России нет внешнего государственного долга, наоборот, многие страны сами должны ей. Кризис предоставляет удачную возможность для реанимации конкурентоспособности российской экономики путём девальвации рубля, а мировые цены на энергоносители хоть и упадут, но останутся на приемлемом для России уровне, обеспечивая наполнение государственного бюджета и финансирование внутренней модернизации страны.

2. Впервые за последние десятилетия у России есть шанс переформатировать систему мирового управления в направлении, которое даст ей доступ к новым ресурсам для развития. Сегодняшняя мировая политико-экономическая ситуация характеризуется тем, что либерализм в мировой политике и экономике начинает отступать. На следующем историческом этапе он вернётся, но в ближайшие годы мы станем свидетелями возвращения государства как в национальную экономику, так и в мировую экономику.

3. Отступление либерализма как мировой экономической идеологии, ослабление «Вашингтонского консенсуса» и крупные неудачи международных финансовых институтов в последние десятилетия подорвали легитимность мировых политико-экономических институтов и поставили вопрос об их реформировании. Мировая экономика на какое-то время потеряла источники роста, которыми служили поглощение экономик Советского блока и экспорт политической нестабильности Соединёнными Штатами вкуче с военным кейнсианством, а также искусственное стимулирование спроса через систему ипотечного кредитования.

4. В мире произошло деление стран по новому признаку. Если раньше различались страны с развитой и большой экономикой, с малой и неразвитой экономикой, различали быстро растущие и медленно растущие экономики, то сегодня добавилось существенное различие между странами-кредиторами (КНР, Япония, Россия, Тайвань, Южная Корея, Саудовская Аравия) и странами-должниками: США, некоторые страны Западной Европы. Страны-кредиторы выступают с требованиями перераспределения политической власти в международных финансовых институтах.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что в конце 2008 – начале 2009 г. политическое и финансово-экономическое положение России рассматривалось политическим руководством страны как достаточно благоприятное и даже выигрышное. Такая оценка ситуации стала политическим обоснованием очередной «газовой войны» с Украиной, Россия выдвинула задачу укрепления своих позиций на постсоветском пространстве путём использования экономических инструментов внешней политики, прежде всего суверенного кредитования. Ставились и более широкие, хотя и менее срочные задачи. Широко распространялось мнение, что августовской войной 2008 г., многочисленными финансовыми и внешнеполитическими инициативами, попытками скоординировать внешнеполитические позиции стран БРИК, а также решениями о частичном переводе торговли между Россией и КНР на местные валюты Россия сделала определённую заявку на лидерство среди растущих стран-гигантов. Такое лидерство со временем должно поспособствовать формированию новой международной российской политики, нацеленной на повышение мирового политико-экономического статуса страны, обеспечение уменьшения её зависимости от Бреттон-Вудской финансово-экономической системы. В качестве менее афишируемой цели в повестке дня присутствовала и задача лишить страны Запада – прежде всего США – «несправедливых» экономических преимуществ и способов обогащения, которые давала им существующая финансово-экономическая система, использование доллара в качестве мировой резервной валюты, монополия на власть в мировых финансовых и торговых институтах.

В более конкретном виде, повестка дня России, как она виделась в конце 2008 – начале 2009 г., содержала следующие политико-экономические задачи:

- усиление российского политического влияния на постсоветском пространстве за счёт экономического привязывания наиболее пострадавших от кризиса стран к России, частичный перевод двусторонней торговли и расчётов с некоторыми странами СНГ на рубли:

- перераспределение квот внутри МВФ и во Всемирном банке с учётом растущего влияния стран-кредиторов в мировой экономике;

- при отсутствии готовности развитых стран Запада потесниться, выступление России с инициативой создания параллельных международных финансовых институтов, обслуживающих политические и экономические интересы России, КНР, Индии, арабских стран;

- диверсификация мировой валютной системы, частичный уход от доллара к использованию юаня, а в некоторых объёмах и рубля как региональных расчётных и резервных валют.

В чём заключался смысл проведения подобной политики для России, какие выгоды она должны была принести?

Во-первых, успех на данном направлении дал бы России возможность финансировать свой внешний долг за счёт зарубежных стран и при необходимости покрывать дефицит внешнеторгового баланса национальной валютой;

во-вторых, в случае успеха в России был бы создан региональный финансовый центр, что дало бы российскому бизнесу возможность зарабатывать на финансовых услугах в рублях, а российская экономика получила бы расширяющийся внешний рынок;

в-третьих, у страны появилась бы возможность шире использовать финансовые инструменты, в том числе поощрения и санкции, для проведения активной внешней политики;

в-четвёртых, снизилась бы привлекательность западной социально-экономической модели, а Россия, напротив, стала бы выглядеть как более привлекательная модель развития.

Как показало дальнейшее развитие событий и внутри России, и в мире, представления об относительных преимуществах России перед другими странами в ходе мирового финансово-экономического кризиса оказались чрезмерно оптимистическими. Россия оказалась более глубоко интегрирована в мировую экономику и мировую финансовую систему, чем это представлялось, и пострадала от мирового кризиса ничуть не меньше других стран. Основное внимание политического руководства страны и монетарных властей переключилось на внутриэкономические приоритеты, внешнеполитический аспект действий страны в ходы кризиса оказался отодвинут на второй план.

Вместе с тем, внешняя политико-экономическая повестка дня России не была перечёркнута, в своих основных положениях она остаётся актуальной и сегодня. Как показал мировой финансовый саммит в Лондоне в апреле 2009 г., политическое руководство России по-прежнему намерено добиваться поставленных целей, но будет делать это без спешки, постепенно продвигая российские интересы в меняющейся мировой финансово-экономической архитектуре.

Поставленные задачи весьма амбициозны, и сегодня трудно надеяться на их реализацию в короткие сроки. Вместе с тем, сама постановка таких задач в практическом плане свидетельствует о более глубоком понимании национальных интересов российским политическим классом и о растущей самостоятельности российской политики как в плане формирования независимого мировоззрения, так и в выработке стратегии реализации национальных интересов.

Актуализация исследовательской повестки дня мировой политической экономики

Понятийный и исследовательский аппарат, разработанный за 40 лет мировой политэкономией, помогает сделать ведущуюся сегодня дискуссию более предметной и сфокусированной. Вместе с тем, существующие теоретические наработки не позволяют спуститься на уровень конкретики и сформулировать программу действий по приведению мировой финансово-экономической системы в соответствие с нынешней политической и экономической реальностью. Необходимо двигаться дальше, и современному поколению специалистов предстоит расширить научные знания в прикладной области, осмыслить и описать механизмы перемен в мировой финансовой и экономической системе.

Приоритетом современной исследовательской повестки дня мировой политэкономии становятся следующие вопросы: Какой механизм придёт на смену безудержной кредитной экспансии в качестве источника роста мировой экономики? Какая финансовая система будет в наибольшей степени соответствовать этому механизму? Чьи интересы эта финансовая система будет обслуживать, кем и как она будет управляться? Какую роль в новой системе будут играть международные институты, какие функции они должны будут выполнять?

Как нам представляется, политическая и экономическая мысль должна обратиться к указанному кругу вопросов и не ограничивать исследуемую проблематику сиюминутными вопросами выхода из кризиса. Кризис раньше или позже закончится, и к моменту его окончания политическому и экспертному сообществу следует иметь более или менее чёткое представление, в каком направлении двигаться дальше.